

LOLO.

Pro domo sua.

(Отвѣтъ читателю.)

Мнѣ сказалъ одинъ читатель, Жизнерадостный мечтатель: «Дорогой поэтъ, не кстати-ль «Перейти въ мажорный тонъ? «Ваши вирши проиграли, «Отъ печали и «морали»... «Написать-бы не пора-ли «Шаловливый фельетонъ?»

Да!... Я въ скорби постояненъ. Но не будь я россиянинъ, Я-бы въ миръ, судьбой израненъ, Скорбныхъ пѣсень не принесъ... Не страдалъ-бы безпредельно, Не скучалъ-бы такъ смертельно, Не скулилъ-бы такъ безцѣльно, Какъ бродячій, старый пѣсь...

Не бранилъ-бы я такъ яро Смѣловъ-хвоща—швейцара, Что во имя гонора, Лижетъ пятки комиссара, Ручки Лилиной и Ко, Не писалъ-бы (скажемъ кратко), Что Россію безъ остатка Съѣли Вчик, Чека и Взятка.— Что свобода — далеко!

Сталь-бы въ рѣзвѣмъ фельетонѣ Пѣть о жаркомъ лѣтнемъ солнцѣ, Что Россію безъ остатка И звенить: люби, живи! Полонъ творческаго ража, Пѣль-бы я о нимфахъ пляжа, О пріятностяхъ вояжа И—представьте!—о любви!

Но... любезный мой читатель, Жизнерадостный мечтатель, Я—невольный обитатель Равнодушныхъ, чуждыхъ странъ, — И строчу я на чужбинѣ О своей лихой судьбинѣ, И кричу я о дубинѣ, Злой причинѣ нашихъ ранъ!

Lolo

Онъ нашель ее послѣ долгихъ, долгихъ исканій. Въ нѣдрахъ Франціи, «дома» нашель онъ Францію.
— Гдѣ же Германія? — спрашиваетъ себя не одинъ иностранецъ въ Берлинѣ. — Только не въ Берлинѣ, конечно, не на Тауэнцштрассе, и не на Курфюрстендаммъ. Искать Германію надо нѣсколько подальше, и прежде всего въ такихъ хранительницахъ германской старины и традицій, какъ этотъ замокъ «Вълой Дамы» на горной межѣ между Тюрингіей и Баваріей.

Арсеній Меричъ.

Чаровъ взялъ Васку за вихоръ и ласково потрепалъ.
— А ты не знаешь, чей ты сынъ?
— Кто е знаетъ.
— Грамотѣ хотѣлъ его учить, а онъ смотри и самъ научился. Такъ читаетъ, что хоть ты...
Чаровъ уже снялъ гримъ. Утиралъ лицо. Говорилъ онъ медленно, съ большими паузами. Не то ему было лѣнь говорить, не то онъ «сосредоточивался», какъ онъ часто объяснялъ всѣмъ свое молчаніе.
— А онъ изъ актерской среды?
— Да.
— Сейчасъ видно. Лицо у него такое благородное.
Вдругъ Гаврилушка вспыхнула. Крикнула на Васку.
— Ты что, какой щеткой чистишь пиджакъ? Возьми новую. Этой только ворс испортишь.
— А гдѣ взять-то?
— Поди въ уборную къ Зарайской... Тамъ пощи... Да живо.
Васка убѣжалъ.
Но сердце у Гаврилушки быстро отошло. Какъ ни въ чемъ не бывало, онъ опять заговорилъ своимъ покойнымъ, старческимъ голосомъ.
— Мать-то актриса была... молоденькая... она тогда еще только начинала. И хорошая была. Могла-бы большою сдѣлаться... Тогда антрепренеромъ, если помните, былъ господинъ Луконинъ... такъ онъ и очень хватилъ...
— Его я помню... Что-же съ ней случилось?
— Да вотъ... забеременѣла... Играть долго не могла. Потомъ, какъ родила, хворала... Бѣдность настала такая, что не приведи Богъ... Такъ въ бѣдности и померла. Царство ей небесное. Плакала очень. Мальченку жаль было. Ужь я ей и обѣщалъ, что его не оставлю.
— Старая исторія...

В. ТАТАРИНОВЪ.

Безъ политики

Гробница фараона Тут-анх-амона — все еще не вскрытая — принесла новую сенсацию. Одинъ американецъ, потомокъ Эдгара По, специально отправился въ Египетъ, чтобы осмотрѣть гробницу фараона. Кто-то изъ друзей полусерьезно предостерегъ его гнѣвомъ подземныхъ боговъ, охраняющихъ покой усопшаго фараона. Американецъ лишь презрительно разсмѣялся и отвѣтилъ, что не вѣрится ни въ какихъ духовъ.

Посѣтивъ гробницу онъ вернулся въ Соед. Штаты и вскорѣ умеръ, также отъ зараженія крови какъ и лордъ Карнарвонъ. Можно легко представить, какое впечатленіе произвелъ этотъ случай на суевѣрную англійскую и американскую публику.

Британскій Музей началъ чуть ли не ежедневно получать посылки, въ которыхъ находились набальзамированныя муміи, высохшія руки и ноги древнихъ египтянъ, статуэтки, предметы погребальнаго культа и т. п. Всѣ эти «драгоценности» были пріобрѣтены въ свое время частными коллекціонерами изъ разрытыхъ могилъ Древняго Египта, пріобрѣтены съ огромными трудностями и нѣрѣдко за весьма солидную сумму. Теперь несчастные любители археологіи сочили за лучшее отдѣлаться отъ вещей давно умершихъ людей, опасаясь, стать жертвами гнѣва мстительныхъ и могущественныхъ боговъ Египта.

Таинственные явленія совершаются не только въ мистическомъ Египтѣ, но и въ весьма прозаической Австріи.

Молодая и хорошенькая вѣнка Эльза Маркхартъ, служавшая банка, отправилась на экскурсію въ Тироляскія Альпы и безслѣдно пропала. Многодневные поиски, предпринятыя полиціей и альпійскими клубами не увѣнчались успѣхомъ. Мѣстность, гдѣ пропала дѣвушка была также пройдена вдоль и поперекъ особымъ специалистомъ по розыску мертвыхъ тѣлъ. Методъ имъ примѣненный, употреблялся раньше — иногда съ успѣхомъ — для розыска подземныхъ источниковъ воды или рудныхъ залежей и состоитъ въ томъ, что такой специалистъ ходитъ съ обыкновенной деревянной раздвоенной палочкой, держа ее по возможности, свободно въ вытянутой рукѣ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ подъ землей находится вода или рудная залежь палочка сама по себѣ поворачивается внизъ. Говорятъ, что чудодѣйственная палочка указываетъ точно такимъ же способомъ и не сокрытыя мертвыя тѣла. На этотъ разъ специалисту не повезло и трупа Эльзы Маркхартъ онъ не нашель.

Тогда за дѣло взялся вѣнскій журналъ «Der Tag». Редакціи удалось достать письмо, написанное дѣвушкой ея матерью, за нѣсколько дней до несчастной экскурсіи. Письмо было показано нѣсколькимъ знаменитымъ графологамъ, которые пришли къ заключенію, что дѣвушка отнюдь не была склонна къ самоубійству.

«Der Tag» организовалъ спиритическій сеансъ и медиумъ, 19-лѣтній студентъ, рассказывалъ, что какой-то человѣкъ преслѣдовалъ

Чаровъ увидалъ на щекѣ красное пятнышко. Прищипъ. Наклонился къ зеркалу и долго его разсматривалъ.

— Вы, Григорій Васильевичъ, можете, и помните — осторожно спросилъ Гаврилушка.

- Кто такая?
- Лихонина.
- Нѣтъ. Не помню.
- Любочкой звали.
- Мало-ли Любочекъ на свѣтѣ?
- Родинка на щекѣ...
- И у Васки родинка.
- Материнская...

— Старикъ зачѣмъ-то отошелъ, походилъ по комнатѣ и снова всталъ около Чарова.

— Колечко тогда ей подарили... До сихъ поръ я его храню...

Помолчалъ. Пожевалъ губами.
— Ужь очень она васъ любила... Все ждала...

Вбѣжалъ Васка.
— Все перерылъ. Нигдѣ щетки нѣту.

— Не надо... Ну ее... Чаровъ всталъ. Пора уходить. Посмотрѣлъ на Васку. Добродушно улыбулся. Потрепалъ по щекѣ.

— Пальто!
Взглянулъ на Гаврилушку.

— Молодецъ... Знаешь, старина, толкъ изъ него выйдетъ. И бо...ольшой...

Васка весело улыбулся. Подаль шляпу и тросточку.

— Прибрать уборную... Что-бы чисто все было... а ты, Васка, можешь шоколадники добѣть.

— Спасибо...
— Не стойте. Ну прощай старина. До завтра.

— Покойной ночи, Григорій Васильевичъ...

Лолъ Шварцъ

Эльзу Маркхартъ въ лѣсу и подъ конецъ напалъ на нее. Во время борьбы она поскользнулась и несчастная дѣвушка упала со скалы прямо въ потокъ, протекавшій внизу. Наверху осталась ея сумка, которую нападвшій спряталъ подъ камнемъ. Интересно, что на другомъ сеансѣ, другой медиумъ рассказалъ ту же самую исторію гибели пропавшей дѣвушки. Показанія медиумомъ были астеннографированы, но не опубликованы.

И вотъ черезъ 6 недѣль, альпійскій охотникъ нашель трупъ Эльзы Маркхартъ въ ручьѣ, у подножья скалы. Тогда «Der Tag» опубликовалъ результаты своихъ изслѣдованій, возбуждшія необыкновенную сенсацию. Полиція занята теперь поисками сумки и преступника.

Въ Англии вышла книга одной очень извѣстной англійской путешественницы, прославившейся своими смѣлыми экспедиціями въ Центральную Африку. Храбрая леди путешествовала всегда одна, лишь въ сопровожденіи черныхъ слугъ.

Однажды леди попала въ плѣнъ къ племеннѣмъ людоедамъ и негритянскій вождь возмѣтилъ непреодолимое желаніе съѣсть дочь герцога Альбіона. Путешественница протестовала, грозя мстью своего могущественнаго отечества, предлагала выкупъ, молила о пощадѣ, но все было напрасно.

Въ самый послѣдній моментъ, любознательный вождь пожелалъ убѣдиться дѣйствительно ли кожа на всемъ тѣлѣ англичанки такая же бѣлая, какъ на лицѣ и рукахъ. Отчаянно сопротивлявшуюся англичанку немедленно раздѣли до гола и она предстала въ видѣ Фрины передъ чернымъ ареопагомъ. Результатъ былъ такой же, какъ и въ древней Элладѣ, правда по совершенно инымъ мотивамъ. Тамъ Фрину оправдали, восхитясь красотой ея божественнаго нагого тѣла, а здѣсь вождь, увидавъ голую худую англичанку, лишился аппетита и приказалъ отпустить ее съ миромъ.

Одинъ изъ сочленовъ путешественницы Географическому обществу замѣтилъ, что она, рассказавъ про этотъ эпизодъ, несомненно обнаружилла большее мужество, чѣмъ тогда, когда совершенно одна странствовала по таинственнымъ дебрямъ Чернаго Мѣрика.

Новыя книги.

«Окно». Трехмѣсячникъ литературы. Книга 2 Изд. М. и М. Цейглингъ, Парижъ, 1923.

Въ этой второй книгѣ «Окна» первое мѣсто по своей значительности занимаетъ Шмелевское «Солнце мертвыхъ». Эта повѣсть уводитъ насъ въ Крымъ, въ Крымъ послѣ ухода Врангеля, въ Крымъ, обреченный на умирание. Въ свое время этой темѣ удѣлялось много вниманія въ прессѣ, и объ ужасахъ Крыма создавались и бродили жуткія легенды. Теперь вырвавшійся оттуда писатель, самъ пережившій Крымскую тяжелую эпопею подъ большевиками, развертываетъ передъ нами этотъ кошмарный свитокъ жизни. Но «Солнце мертвыхъ» не коллекція ужасовъ, нарочито подобранныхъ, и вовсе не прозаическая фотографія, срывающая покровы съ кошмарной реальности во всей ея обнаженности. Шмелевъ не обнажаетъ, не разоблачаетъ, не демонстрируетъ; онъ какъ художникъ лирически повѣствуетъ о томъ, какъ на чарующемъ фонѣ роскошной южной природы, у безмятежнаго моря, подъ уходящими вывесъ горами все умираетъ и угасаетъ. Это повѣсть о великой замученности человѣка, со всѣхъ сторонъ окруженнаго призраками утраты и гибели. Здѣсь нѣтъ въ сущности никакой фабулы, нѣтъ движенія, нѣтъ дѣйствія, — это не рассказъ, а пѣсня, — и какъ въ потрясающее ужасно то, о чемъ повѣствуется здѣсь, читая «Солнце мертвыхъ», не только содрогнешься отъ этихъ ужасовъ и утомяешься этими страшными призраками, но и умудришься, обогатившись какимъ-то новымъ опытомъ. «Солнце мертвыхъ», это — повѣсть о великой замученности человѣка, но въ то же время и о возмущающей настроенности души человѣческой, обреченной на страданіе. «Солнце мертвыхъ» ни въ какой долѣ не публицистика, но жизнь наша смертельная такъ насыщена публицистической энергіей, что даже лирическая пѣсня нѣтъ-нѣтъ да и прорвется огненными словами, влѣбляющими и негодующими.

Остальное содержаніе «Овна» почти ничемъ не напоминаетъ намъ о нашей современной трагедіи, развѣ только З. Гиннпюсъ характеристкой Брюсова опять всколыхнетъ передъ нами муть нашей современности.

Ив. Бунинъ въ Парижѣ, столь излюбившемъ вишніи украшеніи и погремущи нашего «русскаго», мастерски сдѣлалъ свой лубокъ — «о дуракѣ Емелѣ». П. Муратовъ въ «Просперидяхъ» реставрируетъ итальянскую старину, побуждая насъ еще разъ перечитать Шекспирову «Бурю». У Вальмонта — «Яванскія орхидеи». Кромѣ бальмонтовскихъ стиховъ здѣсь напечатаны также стихи Марины Цвѣтаевой, Амари Цетлина, Глѣба Струва.

«Розановы письма» А. Ремизова, это воспоминанія о Розановѣ, написанныя въ связи съ приводимыми тутъ же короткими письмами и записочками, когда-то адресованными Розановымъ Ремизову. И Розановъ, и Ремизовъ.

Но такъ давно въ городѣ Трентѣ открылся музей, посвященный героической борьбѣ итальянскихъ провинцій Австро-Венгріи. противъ австрійскаго ига, борьбѣ закончившейся послѣ великой войны... хъ воссоединеніемъ съ Италіей. Въ числѣ прочихъ экспонатовъ въ музеѣ имѣется бронзовая статуэтка, изображающая поугая. Исторія этого поугая — мученика за свободу — такова.

Въ маленькомъ австрійскомъ городѣ Рива, населенномъ итальянцами, въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія проживалъ одинъ итальянецъ-лавочникъ. Рива лежитъ на австрійской сторонѣ Lago di Garda, а напротивъ — на итальянской — находится городокъ Салѣ. Другъ, живущій въ этомъ городѣ, прислалъ нашему лавочнику въ подарокъ говорящаго поугая. Птица оказалась на рѣдкость живой и разговорчивой, по выросши на территоріи свободной Италіи, пріобрѣла исключительно итальянскій репертуаръ, при томъ такой, какой на австрійской землѣ исполнять строго воспрещалось.

Попугай пѣльми-дьями насвистывалъ итальянскій коро вскій маршъ или пѣль гимнъ Гарибальди съ припѣвомъ «Va fuori d'Italia, va fuori, Ostranier!» — чужеземцы, уходите прочь изъ итальянской земли!

Итальянскіе жители Ривы — всѣ сплошь ирредентисты — съ восторгомъ внимали патристическимъ концертамъ поугая, пока, наконецъ, объ этомъ не узнала австрійская полиція. Владѣлецъ поугая былъ арестованъ за «ввозъ во владѣнія Его Величества животнаго, чьи преступныя пѣсни угрожаютъ основамъ австрійскаго государственя».

Бѣдную птицу ожидала еще болѣе худшая участь. Напрасно ея хозяинъ указывалъ, что поугай поетъ не понимая и безъ всякихъ революціонныхъ намѣреній — преступный поугай былъ задушенъ жандармами.

Члены Художественнаго Клуба въ Трентѣ собрали деньги и заказали бронзовую статуу поугая-революціонера, которую и помѣстили въ городской музей на память о скромной жертвѣ чужеземнаго ига.

В. Татаринъ

оба слишкомъ своеобразны и необычны въ ряду другихъ писателей русскихъ, и уже это одно обстоятельство сулитъ «Розановымъ письмамъ» противорѣчивую и шумную оцѣнку со стороны читателей и критики, тѣмъ болѣе что Ремизовъ подводитъ насъ вплотную къ самому интимному міру Розанова, безстрашно обнажая всѣ бездны его душевныя. Розановы письма написаны Ремизовымъ съ присущимъ ему мастерствомъ, и согрѣты неподдѣльной искренностью и любовью къ Розанову.

Совѣмъ иное Гиннпюсовскія воспоминанія о Брюсовѣ («Одержимый») — Гиннпюсъ безпощадно памфлетически бичуетъ этого недавняго шефа московскихъ поэтовъ, а теперь коммуниста. «Тайна трехъ» Мережковского — о Египтѣ и египетской религіи, — о религіи и о полѣ (здѣсь также много о Розановѣ — цитатъ изъ него и критики его). Левъ Шестовъ продолжаетъ свои «Странствованія по душамъ» — разрозненныя короткія иногда сжатая на прострѣтѣхъ всего лишь полстраницы размышленія о наукѣ, истинѣ, и добрѣ, о прошломъ, будущемъ и настоящемъ, о Платонѣ и Аристотелѣ, о хаосѣ, объ общѣй безрадостности и т. д. и т. д. Наконецъ въ «Огнѣ» имѣется обширная статья В. Шленера о русской музыкѣ, захватывающая русскую музыку на протяженіи отъ Глинки до нашихъ дней.

Лол. Льв.

МОЗАИКА.

Миссъ Мэри Бухнеръ изъ Нью-Йорка признана храбрѣйшей дѣвушкой во всей Америкѣ. Американскій Красный Крестъ выдалъ ей особый почетный отзывъ, а институтъ Карнеги наградилъ ее медалью. Въ прошломъ году, купаясь въ Тампа-Бай (Флорида), Мэри Бухнеръ геройски спасла свою подругу Дороті Макъ-Клатни. Последняя уплыла далеко въ океанъ и внезапно подверглась нападенію акулы, принадлежавшей къ необычайно свирѣпому виду, извѣстному подъ именемъ «морского тигра». Одинъ такой «тигръ» схватилъ миссъ Дороті за ногу. Мэри Бухнеръ отважно бросилась на помощь подругѣ, хотя знала, что идетъ почти на вѣрную смерть. Послѣ отчаянныхъ усилій ей удалось крикомъ и всплесками отогнать акулу. Храбрая американка была сама ранена. Вся покрытая кровью, она тѣмъ не менѣе вытащила безчувственную Дороті на берегъ.

Въ Соед. Штатахъ Сѣв. Америки свыше 1,500,000 людей имѣютъ пріемныя станціи безпроводнаго телеграфа. Стоимость простой станціи колеблется отъ 20 до 120 долларовъ. Число любителейскихъ отправныхъ станцій — значительно болѣе сложныхъ и дорогихъ — около 50,000.

Во время послѣдней избирательной кампаніи члены сената и конгресса произносили рѣчи къ своимъ избирателямъ по безпроводному телефону.